

ФГНУ «Психологический институт»
Российской академии образования
Секция «Экологическая психология»
Российского психологического общества

6-я РОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Тезисы

**25-26 октября
2012 года
Москва**

Конференция проведена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-06-14284 г.)

6-ая Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. (Москва, 25-26 октября 2012 г.) /
Научн. ред. М.О Мдивани. М.: ФГНУ «Психологический институт» РАО, 2012. – 460 с.

В сборнике представлены тезисы участников 6-й Российской конференции по экологической психологии, традиционно проводимой Лабораторией экопсихологии развития ФГНУ «Психологический институт» РАО при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Цель конференции заключалась в обсуждении актуальных проблем экологической психологии в самом широком ее понимании. В отличие от предыдущих конференций к публикации приняты тезисы, характеризующие креативные и другие особенности педагога как одного из важнейших субъектов образовательной среды. Кроме того, включены тезисы, в которых обсуждаются понятия, имеющие значение для представления и понимания взаимодействий в системе «человек – окружающая среда»: информация, духовность и т.п. К участию в конференции представлены 173 тезисов.

Тезисы публикуются в алфавитном порядке.

The publication contains abstract members of the 6th Russian Conference on ecological Psychology, traditionally performed by a laboratory of ecopsychology Federal State Scientific Entity "Psychological Institute" RAE. The conference is supported by the Russian Humanitarian Foundation. The purpose of the conference - to discuss topical issues of ecological psychology in the broadest sense. Unlike previous conferences, the collection contains abstracts describing the creative and other features of the teacher as one of the most important subjects of the educational environment. The collection includes the abstracts that discuss concepts that are important for understanding the interactions in the system "human - environment": information, spirituality, etc. The conference presented 173 abstracts. Abstracts are published in alphabetical order.

Тезисы публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-905987-06-9

© Коллектив авторов, 2012 г.

4. Водопьянова Н. Е., Густелова А. Н. Смысло-жизненные ориентации и актуальные смысловые состояния, препятствующие синдрому выгорания // Психология психических состояний. Вып. 7 / Под ред. А. О. Прохорова. Казань: Отечество, 2009, с. 315-341.
5. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. – СПб.: Питер, 2009. – 336 с.
6. Джанерьян С. Т. Системный подход к изучению профессиональной Я-концепции // Вестник Оренбургского университета, 2005, № 4, с. 162-169.
7. Доценко О. Н. Эмоциональная направленность как личностная детерминанта выгорания у представителей социономических профессий // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Выпуск 1. / Под ред. В. А. Бодрова, А. Л. Журавлева. М.: ИП РАН, 2009, с. 509-534.
8. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.
9. Мадди С. Смыслообразование в процессе принятия решения // Психол. журн., 2005. № 6. т. 26. с. 87-101.
10. Митина Л. М. Профессиональное развитие и здоровье педагога: проблемы и пути решения // Вестник образования России, №7, 2005, с. 49-58.
11. Митина Л. М., Митин Г. В., Анисимова О. А. Профессиональная деятельность и здоровье педагога. – М.: Academia, 2005. – 368 с.
12. Панов В.И. Экологическая психология: опыт построения методологии. – М.: Наука, 2004.
13. Орел В. Е. Синдром психического выгорания личности. – М.: ИП РАН, 2005. – 330 с.
14. Психология профессионального здоровья. Учебное пособие / Под ред. Г. С. Никифорова. – СПб.: Речь, 2006. – 480 с.
15. Ронгинская Т. И. Синдром выгорания в социальных профессиях / Психол. журн., 2002, № 3, т. 23, с. 85-95.
16. Харитоновна Е. В., Ясько Б. А. Опросник «Профессиональная востребованность личности». Методическое руководство. – Краснодар: КГУ, 2009. – 40 с.

ЧЕЛОВЕК И ЖИВОТНЫЕ: «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» В ПОНИМАНИИ ДЕТЕЙ 3–11 ЛЕТ* *Знаменская И. И. (Москва)*

Проблема понимания «чужих» остро стоит в современном мире. Кого дети включают в круг «своих», а кого причисляют к «чужим»? Как правило, «свои» — это члены той или иной группы, к которой относит себя индивид (семья, род, социальная группа, биологический вид и т.д.). «Чужие», соответственно, это члены аутгруппы. Если «свой» выступает в качестве агрессора, перед респондентом встает моральная дилемма. Он может руководствоваться, с одной стороны, базовым принципом «свой всегда прав» (см., напр., Fehr et al., 2008), а с другой — общепринятыми моральными ценностями, в том числе — защиты жертвы от агрессора (см., напр., Kohlberg, 1969). С помощью моральных дилемм можно выявить время формирования в онтогенезе разных аспектов морального поведения (интуитивного выбора и его рационального обоснования, то есть имплицитного и эксплицитного аспектов).

В доступной нам литературе не было обнаружено работ, посвященных проблеме времени появления разных аспектов морального поведения (выбора и обоснования) в онтогенезе. Нами была выдвинута *теоретическая гипотеза*: развитие способности к моральному выбору идет от актуализации эволюционно более древних систем, позволяющих реализовать поведение в соответствии с принципом ««свой» всегда прав», к актуализации более поздно формирующихся систем, обеспечивающих использование принципов ценности жизни любого индивида (в том числе «чужого»); при этом использование данного принципа в решении моральных дилемм опережает появление способности его рационального обоснования.

Предметом исследования выступило формирование способности к обоснованию морального выбора у дошкольников и младших школьников. *Объектом* — речь детей 3–11 лет.

Целью исследования было выявление количественных и качественных особенностей обоснования морального выбора дошкольниками и младшими школьниками и сравнение их с принятием решения в моральных дилеммах.

Методика. В первом этапе (школьники) участвовали 42 ребенка (17 девочек, 25 мальчиков) в возрасте от 6 лет 8 мес. до 11 лет 2 мес. (Me = 9 лет 1 мес.); во втором этапе (дошкольники) — 34 ребенка (14 девочек, 20 мальчиков) в возрасте от 3 лет 4 мес. до 6 лет 10 мес. (Me = 5 лет). Выборка была разбита на 4 возрастные группы: 3–4 года, 5–6 лет, 7–9 лет, 10–11 лет.

Детям в индивидуальном порядке предъявлялись 4 специально разработанные дилеммы: в трех человек («свой») причинял вред «чужому» (дикому животному, домашнему животному, инопланетянам); еще одна — контрольная — дилемма строилась на конфликте двух людей. Герои были понятны и знакомы детям, а ситуации — абстрактны, чтобы избежать стереотипных ответов.

С учетом данных литературы нами были выделены возможные темы/категории, частоту актуализации которых можно оценить методом контент-анализа (Алмаев, Малкова, 2007). Принадлежность к теме

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №12-36-01392-а2

оценивалась автором работы с учетом контекста. Тематической единицей считалась каждая новая связка «субъект–предикат» с оригинальным содержанием.

Результаты и их обсуждение. В исследовании Созиновой (Созинова, 2012) было выявлено, что дети значимо чаще начинают поддерживать жертву («чужого») в дилеммах «Собаки», «Белки» — начиная с 5–6 лет; в дилемме «Инопланетяне» — начиная с 10–11 лет. При этом в группе 3–4 лет по дилеммам «Собаки» и «Белки» ответы распределялись примерно поровну за «чужих» и за «своих». Таким образом, преобладание стратегии «поддержки жертвы» формируется примерно в промежутке от 4 до 6 лет.

В нашем исследовании показано, что дети начинают формулировать обоснование выбора с опорой на обе стороны конфликта только к 10–11 годам. В 7–9 лет значимо преобладают частичные ответы с опорой на одну сторону конфликта ($\chi^2 = 25.12$, $p = 0.00001$), в 3–4 года и 5–6 лет примерно в одинаковых долях распределены ответы типа «простая констатация без объяснения» и «частичный ответ».

Таким образом, по количественным характеристикам можно сделать вывод о том, что *обоснование выбора несколько «запаздывает» по отношению к собственно выбору: с 5–6 лет дети поддерживают «жертву» (домашних и диких животных), однако сформулировать причины могут, преимущественно, с 7–9 лет.* Для дилеммы «Инопланетяне» данный вывод сделать нельзя: поддержка жертвы становится преобладающей стратегией лишь к 10–11 годам.

Полученные результаты соотносятся с данными литературы: в исследовании Бечара и Дамазио было показано, что даже при формировании отдельного навыка существует сходная закономерность (Bechara et al., 1997). Авторы регистрировали обучение игре у испытуемых: задолго до того, как испытуемые сообщали о том, что они выявили принцип игры, по их ходам было видно, что они поняли суть, а показатели КГР достоверно изменялись перед рискованными ходами. Таким образом, опережение навыка/стратегии по отношению к обоснованию, вербализации существует не только на протяжении онтогенеза, но и внутри формирования конкретного поведения.

По качественным характеристикам можно заметить следующее: во всех возрастных группах наиболее обсуждаемой является дилемма «Инопланетяне». Именно по этой дилемме наиболее поздно формируется предпочтение поддержки жертвы (только к 10–11 годам).

По теме «*Ценность жизни*» различий между двумя группами дошкольников не обнаружено, однако в старшей группе (5–6 лет) уже преобладает предпочтение поддержки жертвы (дилеммы «Собаки» и «Белки»). Различия в актуализации данной темы по дилемме «Собаки» появляется только между 5–6 и 7–9 годами. В дилемме «Инопланетяне» дети начинают поддерживать жертву только к 10–11 годам, и, соответственно, обоснование данного выбора темой «*Ценность жизни*» отличается только у двух групп школьников (между 7–9 и 10–11 годами, $\chi^2=4,14$, $p=0,042$).

Данная тема была самой распространенной во всех четырех группах детей. То есть, они руководствовались при моральном выборе прежде всего некоторыми общечеловеческими ценностями, выбирали стратегию поддержки жертвы, обосновывая это тем, что грозит опасность жизни (6 стадия по Колбергу), и только потом — социальными правилами и видовой принадлежностью. Эти данные совпадают с данными литературы (Smetana, 1981).

По теме «*Свой вид*» в дилемме «Собаки» значимых различий между двумя группами дошкольников не обнаружено, однако в 5–6 лет дети уже значимо чаще поддерживают собак-жертв, а не человека. Хотя, по-видимому, еще не могут этого обосновать. Выявленная тенденция поддерживать в конфликте домашних животных, начиная с раннего возраста, согласуется с данными литературы (см. Никольская, 2011).

В дилемме «Белки» значимые различия двух групп дошкольников в актуализации темы есть ($\chi^2=4,19$, $p=0,0407$). Это может быть связано с тем, что белки как дикие животные для ребенка кажутся в большей степени «чужими», чем собаки. Также стоит отметить, что выборка дошкольников — сельская, т.е. почти у всех детей во дворе живут собаки, а белки в данной широте не водятся. Дети могли с ними познакомиться только на картинках или в зоопарке.

Тема «*Социальные правила*» больше всего актуализирована у старшей группы (10–11 лет) в дилемме «Девочки», у младшей группы школьников (7–9 лет) — «Инопланетяне». Старшие дети рассматривали конфликт между двумя девочками именно как социальный. Даша («агрессор») хотела снести дом Риты («жертвы»), чтобы построить завод. В дилемме не было заявлено о том, что Рита погибнет. Дети как раз поднимали вопросы о том, что человеку бесполезно бороться против чиновников, что завод все равно поставят и надо уступить, т.е. решали дилемму именно в социальном контексте, что может объясняться индивидуальным опытом старших детей, приобретенном при взаимодействии с социальными структурами. Также к социальным правилам была отнесена экологическая тематика, поскольку она актуализировалась чаще всего в стереотипных утверждениях. Когда ребенку говорили, что завод не портит природу, он начинал рассматривать сам конфликт, отвлекаясь от экологического контекста.

Дети 7–9 лет рассматривали конфликт инопланетян с землянами как конфликт двух рас (темы «*Свой вид*» и «*Социальные правила*»). Возможно, это влияние изобразительной культуры (книги, комиксы, наклейки, журналы) и СМИ. Также часто возникали идеи познавательного характера: «Не надо убивать инопланетян,

потому что они уникальные, их могут изучать ученые и получать интересные результаты». Если интервьюер говорил, что есть еще такие же на другой планете, ребенок «убивал» инопланетян на пользу человеку.

Тема «Собственность» актуализировалась в четырех группах детей с одинаковой частотой (нет значимых различий). Возможно, дети еще находятся на таком этапе, когда сложно идентифицировать человека в отрыве от его собственности (Осорина, 2011).

Полученные данные могут служить свидетельством того, что «собака эмоций имеет рациональный хвост» (Haidt, 2001), обоснование идет вслед за формированием предпочтения жертвы. То есть результаты свидетельствуют в пользу интуитивистских концепций морали.

Таким образом, показано, что существуют различия между двумя группами дошкольников по степени поддержки жертвы, однако им еще сложно обосновать свой выбор, и потому значимых различий по частоте актуализации тех или иных тем нет, однако есть тенденции: в группе 5–6 лет тема «Ценность жизни» актуализируется в два раза чаще, чем в группе 3–4 лет, но в связи с общей малочисленностью актуализаций различия не достигают приемлемого уровня значимости. В группах младших школьников эти различия уже достигают уровня значимости, то есть с возрастом дети усваивают правила и принципы и уже могут их вербализовать, а не только применять имплицитно.

Заключение. Таким образом, в исследовании было выявлено, что в онтогенезе происходит нарастание доли ответов, связанных с актуализацией стратегии поддержки жертвы, которая формируется позднее, чем базовая стратегия поддержки «своего». При этом выбор в пользу жертвы совершается на более ранних этапах онтогенеза, и только позднее появляется возможность его рационального обоснования.

Отношение к животным, по-видимому, формируется в соответствии с индивидуальным опытом (Александров, Александрова, 2009): чем раньше появляется опыт общения с тем или иным животным, тем скорее ребенок будет относиться к нему как к субъекту, и, соответственно, выражать поддержку в моральных дилеммах. Так, в нашем исследовании дети раньше всего начинали поддерживать собак, затем – белок, и значительно позже, только к 10–11 годам – инопланетян.

Литература

1. Александров Ю.И., Александрова Н.Л. Субъективный опыт, культура и социальные представления. М.: Институт психологии РАН, 2009.
2. Алмаев Н.А., Малкова Г.Ю. Формальные коэффициенты оценки речевой продукции в интервью: опыт разработки и применения // Вопросы психолингвистики. 2007. №5. С. 46–52.
3. Никольская А.В. Экопсихологическая модель межвидового взаимодействия человека с домашними животными: Автореферат дисс. ... доктор психол. наук. М., 2011.
4. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 5-е издание. СПб.: Питер, 2011.
5. Созинова И.М. Решение моральных дилемм детьми 3–11 лет: психофизиологический аспект / Дипломная работа. М.: Факультет психологии ГАУГН, 2012.
6. Bechara A., Damasio H., Tranel D., Damasio A.R. Deciding Advantageously Before Knowing the Advantageous Strategy // Science. V. 275. P. 1293–1295.
7. Fehr E., Bernhard H., Rockenbach B. Egalitarianism in young children // Nature. 2008. V. 454 (28). P. 1079–1083.
8. Haidt J. The emotional dog and its rational tail: A social intuitionist approach to moral judgment // Psychological Review. 2001. V. 108 (4). P. 814–834.
9. Kohlberg L. Stage and Sequence: The Cognitive Developmental Approach to Socialization // Handbook of Socialization Theory and Research / Ed. Goslin D.A. Chicago: Rand McNally, 1969.
10. Smetana J.G. Preschool children's conceptions of moral and social rules // Child development. 1981. V. 52. P. 1333–1336.

ПЕРЕЖИВАНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА ЖИТЕЛЯМИ НЕПОСТРАДАВШЕГО РЕГИОНА

Зорина С.В. (Самара)

С начала девяностых годов количество террористических актов, совершенных на территории Российской Федерации сохраняется на стабильном уровне. Этот факт накладывает отпечаток на субъективное ощущение опасности жителей страны. Ожидание всемирной катастрофы (феномен 2012 года) также свидетельствует о напряжении базовой потребности в безопасности, когда высока и осознана вероятность попадания в травмирующую ситуацию для любого человека независимо от его образа жизни. Тем более остро проявляется необходимость исследования эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакций на эмоциогенные события, в том числе и террористические акты, косвенных участников, объединенных с непосредственными жертвами единым информационным пространством. Анализ таких реакций может стать источником для научно обоснованных рекомендаций по содержательному наполнению психологической поддержки жителей РФ в случае чрезвычайных событий.

Переживание экстремальных для человека событий как жертвы или свидетеля может стать источником психологической травмы. Террористический акт в аэропорту Домодедово с одной стороны относится к чрезвычайным событиям, несущим потенциальную угрозу для населения, с другой – является одним из десятков